

Ложноэтимологические эвристики детской речи как ресурс языковой игры: экспериментальные данные

Ложноэтимологические (а точнее сказать, произвольные) сближения слов как основа их интерпретации — одна из ярких примет детского языкового сознания. Как известно, дети «не терпят пустых форм» (А. М. Шахнарович) и стремятся установить объяснимую связь между названием и тем, что оно обозначает. Мотивационные эвристики детской речи (ДР), связанные с «прояснением» внутренней формы слова, имеют прогностическую, уточняющую и игровую функции.

В первом случае, основываясь на ассоциациях по созвучию, ребенок выдвигает собственную гипотезу («догадку») о значении незнакомого слова, уподобляя его известному, знакомому. Вторая функция обусловлена рефлексией над мотивированностью наименования, референт (денотат) которого ребенку известен. Введение нового корня в модельную сетку готового слова (А. А. Реформатский) — механизм, уточняющий актуальные для ребенка аспекты обозначаемого. Третья функция проявляет интенцию ребенка к ремотивации и/или реноминации как форме языковой игры (ЯИ). Такая мотивация может иметь ситуативный характер. Например, в парке, стоя в длинной очереди на «чертово колесо», где уставшие люди перебрасываются раздраженными репликами, четырехлетний Даня разочарованно констатирует: «Это какое-то колесо обозления, а не обозрения!» (сказал и смеется — поправилось собственное определение). Ср. также ложноэтимологический характер шутливой мотивации имен и прозвищ: *Домна* (отфамильное прозвище от *Маша Домшак*ова — имя девочки, которая все время болеет и сидит дома); *Нина Выгановна* — строгая воспитательница Нина Вагановна; старуха *Шляпака*к — ложноэтимологическое «прояснение» мотивации имени известного литературного персонажа (старухи Шاپокляк) с использованием метатезы.

Игровая составляющая ложноэтимологических сближений в сфере ДР требует экспериментальной верификации ввиду известной субъективности суждений о преднамеренности / непреднамеренности таких явлений с позиций взрослой логики. Методом верификации может стать процедура прямого толкования, предполагающая возможность объяснения стимульного слова любым удобным для респондента способом при установке на произвольное (условное) толкование заданного стимула. Осознание значений мотивационных инноваций детской речи респондентами того же возраста, что и их авторы, должно проявить, во-первых, релевантность самой техники прояснения внутренней формы слова для создания эффекта ЯИ; во-вторых, обнаружить вариативный потенциал реализуемой ребенком игровой интенции. Ср., например, *гребетух* (петух с гребнем): кто на лодке едет, гребет веслами; расческа; грибник; *домна*: домовый; большой дом; бабушка; *голень*: человек без одежды, нет ни штанишек, ни рубашки; гол; ленивый тюлень; *альдыпын* (квазислово, употребляемое ребенком в значении «птичка»): альпинист-неудачник (хотел покорить Альпы, но не смог); следопыт; и т. п.

Кроме того, одним из методов, стимулирующих рефлексию над структурой слова-модификата, является его реконструкция в опоре на мотивационный перифраз. Ср., например, кубики, на которых написаны буквы (перифраз к слову *буквубики*); компьютер, на котором играют в игры (*игрутер*); малина, которая растет на полянке (*малянка*); синяк красного цвета (*красняк*); человек-иностранец, живущий в другой стране (*другостранец*); глупый дракон (*дуракон*); укольчик, причиняющий боль (*больчик*); полотенце, которым вытирают руки (*рукотенце*) и т. п.

Для тренинга способности к использованию принципа ложноэтимологической мотивации как кода ЯИ может быть использована также методика заполнения текстовых лакун (вставки пропущенного слова по заданному описанию с предъявлением слова-прототипа и нового мотиватора или самостоятельно выведенному ребенком алгоритму). Ср., например, рассказ Ф. Кривина «Король Годяй», в котором реализован принцип обратного словообразования: королева *Ряха* и подданные короля *Годяя* — *вежды*. Придуманные детьми-школьниками слова — *учи*, *дотёпы*, *лепицы* и т. п. — не только вполне релевантны заданному игровому коду, но и значительно расширяют представленный в тексте диапазон.

Сопоставление ложноэтимологических эвристик в спонтанной ДР и в ситуации эксперимента позволяет сделать некоторые выводы относительно специфики данного процесса как одной из стратегий усвоения языка и ее роли в развитии способности ребенка к ЯИ. К этим особенностям относятся: 1) тесная взаимосвязь ложноэтимологической мотивации с процессами компенсаторного словотворчества, ориентированного на потребности выражения ситуативного и личностного смысла при дефиците (отсутствии в языке и/или лексиконе ребенка необходимых средств номинации); ср. следующий диалог: «“А мы в школе считаем до миллиона”. — “А мы в садике — до всеона!”» (К. Чуковский); 2) корреляция результатов ложной мотивации с парадоксальными сближениями родственных слов, разошедшихся в значениях: *животное* ‘о том, у кого большой живот’; *начальник* ‘тот, кто учится в начальной школе’; 3) корреляция ложноэтимологических сближений с новообразованиями в результате «ослышки» и омофонического переразложения слова в потоке речи; ср. *кактус* — *как туз*; 4) тиражирование отрефлексированного механизма ложноэтимологической мотивации и реноминации в процессах ЯИ, ср.: «Антрекот — любимая еда котов»; «Эта змея ядовитая, потому что она едовитая»; «Йоги — мужья бабы Яги».

Различие между результатами ложной этимологизации как проявлениями мотивационной рефлексии и фактами ЯИ лежит в области отрефлексированной (осознанной или неосознанной) условности (в том числе парадоксальности) устанавливаемой смысловой связи между сближаемыми по случайному созвучию словами. Освоение этого операционального механизма — одно из проявлений экспериментальной доминанты детского языкового сознания и база для формирования будущей игровой компетенции личности.